

© 1999 г.

ПРИНОШЕНИЕ ДАРОВ ИНОЗЕМЦАМИ КАК ОДИН ИЗ РИТУАЛОВ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ПРАЗДНИКА СЕД

Среди государственных торжеств древнего Египта, непосредственно связанных с персоной фараона, одно из центральных мест занимал праздник сед (хеб-сед) – царский юбилей, впервые, как правило, отмечавшийся на 30-м году правления с последующим повторением ритуалов через каждые три – четыре года¹. Основное назначение этого праздника, по мнению большинства специалистов, сводилось к ритуальному обновлению витальных сил фараона, будто бы исчерпывающихся за 30 лет царствования². В ходе ритуалов фараон вновь обретал и демонстрировал свою способность осуществлять функции, присущие ему как верховному правителю Египта, среди которых основными были: объединение Верхнего и Нижнего Египта (см. ниже), обеспечение страны пищей³, богатым урожаем⁴ и необходимым для этого разливом Нила⁵; победоносное проведение военных кампаний⁶, владычество над «всеми, что обегает солнечный диск»⁷.

Последняя из перечисленных функций находит свое ритуальное воплощение в приношении даров иноземцами. Исследователю этого ритуала в контексте празднования царского юбилея и посвящена данная работа. Источники по названной проблеме крайне разрознены, поэтому реконструкция ритуала приношения даров поневоле опирается на сведения от раннединастической эпохи до Позднего периода, однако их вполне достаточно не только для того, чтобы воссоздать ритуал в его общем виде, но и проследить его эволюцию.

Кульминационным моментом в праздновании царского юбилея во все периоды египетской истории оставался так называемый хеб-седный бег фараона. На тех памятниках, где сохранились сцены этого ритуального действия, царь изображен бегущим с инсигнией *nhw* в правой руке и футляром *mk* для хранения документов, подтверждающих его права на престол⁸, – в левой.

Хеб-седный бег изображали между знаками, имеющими полукруглую, подковообразную форму, напоминающую литеру D. Эта идеограмма, по мнению английского египтолога Спенсера, служила детерминативом к слову *ḏnbw*, означающему территориальные ограничители, пограничные маркеры⁹. Их архитектурным воплощением, очевидно, можно считать В-образные «кренделевидные» сооружения, раскопанные

---

¹ Beckerath J. von. Gedanken zu den Daten der Sed-feste // MDAIK. 1991. 47. S. 29–33.

² L. A. V. Sp. 783.

³ Urk. IV. 1865.

⁴ Urk. IV. 1841.

⁵ Helk W. Nilhöhe und Jubiläumfest // ZAS. 1966. 93. S. 74–79.

⁶ Hornung E. Politische Planung und Realität im Alten Agypten // Saekulum. 1971. 22. № 1. S. 54 f.

⁷ RTA. I. Pl. 41, 2–7.

⁸ L. A. V. Sp. 21.

⁹ Spenser A. J. Two Enigmatik Hieroglyphs and their Relation to the Sed-Festival // JEA. 1978. 64. P. 52–55.

Рис. 1. Деревянная пластинка фараона Дэна (Petrie W.M.F. The Royal Tombs of the First Dynasty I. L., 1900. Pl. XV. 16)

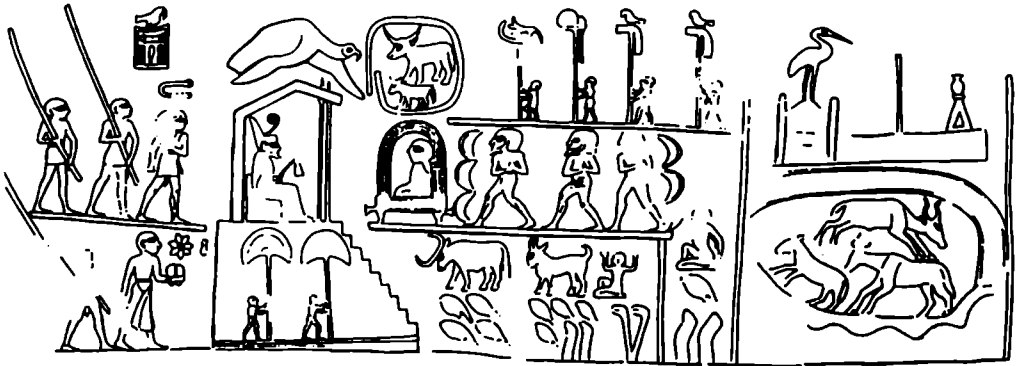

Рис. 2. Навершие булавы фараона Нармера (Quibell J.E. Hierakonpolis I. L., 1900. Pl. 8–9)

между ступенчатой пирамидой и южной мастаба в заупокойном комплексе Джосера в Саккара¹⁰.

Наиболее раннее изображение хеб-седного бега фараона представлено на двух деревянных пластинках, происходящих, очевидно, из гробницы фараона I династии Дена в Абидосе¹¹ (рис. 1). Бег между знаками ḥnbw , упрощенными до лунообразной формы, запечатлен и на знаменитой Великой булаве Нармера, найденной в святилище Хора в Иераконполе¹² (рис. 2). В пользу того, что действия, изображенные на булаве, являются частью юбилейного ритуала, свидетельствует целый ряд признаков: хеб-седное одеяние фараона; форма крытого павильона, где фараон восседает на троне¹³, изображение процессии четырех штандартноносцев со знаками «спутников Хора», встречающееся на всех юбилейных памятниках; размещение сцены бега между знаками ḥnbw ; наличие мумиеобразной фигуры, сидящей в крытых носилках, чье участие в ритуале, по мнению В. Кайзера, является бесспорным свидетельством того, что на

¹⁰ Lauer J.-Ph. La pyramide à degrés. I. Caire, 1936. P. 145.

¹¹ Petrie W.M.F. Royal Tombs. I. L., 1900. Pl. XI, 14; XV, 16.

¹² Quibell J.E. Hierakonpolis. I. L., 1900. Taf. 8–9.

¹³ Аналогичный по форме царский павильон изображен на обеих деревянных пластинках Дена. Разница между ними – лишь в количестве маршей, ведущих к трону. По нашему мнению, оба сооружения представляют собой самый ранний вариант изображения на плоскости двойного хеб-седного павильона. Остатки подиума, на котором, очевидно, возвышался такой павильон, были найдены в заупокойном комплексе Джосера (Lauer. Op. cit. P. 145. Fig. 146).

памятнике изображены юбилейные торжества¹⁴. Однако в отличие от аналогичных сцен хеб-седного бега, представленных на памятниках раннединастической эпохи, ритуальный бег в пространстве между пограничными маркерами осуществляет не царь, а трое бородатых мужчин в набедренных повязках.

В египтологической литературе эти фигуры объяснялись по-разному, в соответствии с разным истолкованием сюжета в целом. Одни исследователи видели в них «муу» – древних правителей Буто, встречавших умершего перед входом в некрополь¹⁵; другие полагают, что это жители оазисов¹⁶; и, наконец, третьи усматривали в них пленников¹⁷. Мы разделяем последнюю точку зрения как наиболее убедительную, ибо бегущие перед царем люди должны быть соотнесены с указанными в нижнем регистре цифрами военной добычи: 400 тысяч голов крупного рогатого скота, 1 млн. 422 тысячи голов мелкого рогатого скота и 120 тысяч пленников¹⁸. В пользу того, что речь идет именно о военной добыче, свидетельствует прежде всего сам факт изображения рассматриваемых сцен на булаве, оружии, которым, согласно многочисленным изображениям, фараон совершал ритуальное убийство иноземцев.

Хеб-сед Нармера скорее всего последовал за подавлением восстания в Дельте и праздновался в Бубастисе. Поэтому логично предположить, что в ритуальном беге между знаками *ḏnbw* участвовали жители покоренного Нижнего Египта¹⁹. На это указывает и их иконография, сопоставимая, во-первых, с идеограммой пленника на самой булаве и, во-вторых, с манерой изображения «врагов» на не менее знаменитой церемониальной палетке фараона Нармера²⁰. Во всех этих сценах показаны бородатые фигуры с косматыми волосами.

Текстуальное подтверждение того, что иноземцы принимали какое-то участие в хеб-седном беге, мы находим на рельефах прохода между двумя «широкими дворами» в храме богини Бастет в Бубастисе (рис. 4). Стены прохода были покрыты изображениями ритуалов первого юбилея Осоркона II (XXII династия), возможно, имевшего место на 22-м (или 30-м)²¹ году его правления. На одном из обломков стены D сохранились изображения трех мужских голов и надпись: «бегут они между пограничными знаками» (*ḥḥt.sn imitw ḏnbw*)²². Не возникает сомнений в том, что «они» – это иноземцы, ибо, согласно надписям, все действия на этом и соседнем обломках, которые безусловно изначально составляли единое целое, совершают нубийцы и бедуины (?) (*ḳnbtyw-š'*)²³. Особый интерес представляет осуществление ими обряда «целования земли», выражающего идею покорности и одновременно просьбы о милости. Анало-

¹⁴ Kaiser W. Zu den nsw msw der älteren Bilddarstellungen und der Bedeutung von *ḥw.t* // MDAIK. 1983. 39. S. 274.

¹⁵ Kees W. Der Opfertanz. Lpz. 1912. S. 113.

¹⁶ Vikentiev V. Les rites de la réinvestiture royale // BIE. 1956. 37. P. 304.

¹⁷ Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. I. P., 1952. P. 603.

¹⁸ Число мужчин, исполняющих ритуальный бег (впрочем, как и маркеров), не является указателем их точного количества. На ранней стадии развития египетской письменности трехкратное повторение предмета выражало идею множественности (GG. 73. P. 58 f.). В пользу сделанного предположения свидетельствует, по нашему мнению, также то, что трое мужчин занимают целиком все пространство между пограничными знаками.

¹⁹ На это указывает изображение цапли *ḏbzw*, сидящей на штандарте перед входом в святилище Нижнего Египта (*Gundlach R. Die Zwangsumziedlung auswärtiger Bevölkerung als Mittel ägyptischen Politik bis zum Ende des Mittleren Reiches. Stuttgart, 1994. S. 40; Helck W. Untersuchungen zur Thinitenzeit // AA. 1987. 45. S. 99).*

²⁰ Quibell. Hierakonpolis. I. Pl. XXIX.

²¹ Beckerath. Op. cit. S. 31.

²² Naville E. The Festival Hall of Osorkon II in the Great Temple of Bubastis. L., 1892. Pl. XV, 6.

²³ Новая реконструкция блока № 15 Праздничного зала была недавно предложена К.О. Курашквичем (*Kuraszkiewicz K.O. Zu den Sedfest-Darstellungen // GM. 1996. 153. S. 73–76).* Согласно этой реконструкции в ритуальных действиях пред царским тронем принимали участие не только нубийцы и бедуины (?), но и жители оазисов (*šḥtjw*).

гичный смысл можно усмотреть и в жестах бегущих на булаве Нармера: их руки прижаты к груди.

Итак, сопоставление царских юбилейных памятников I и XXII династий позволяет прийти к выводу, что ритуальный бег между маркерами *ḏnbw* могли осуществлять представители покоренных народов (в частности, иноземцы).

При сравнении между собой ритуальных действий, изображенных в среднем регистре булавы Нармера и в верхней левой части двух почти идентичных деревянных пластинок фараона I династии Дена становится очевидным их иконографическое сходство: на обоих памятниках фараон, облаченный в похотный на саван плащ, восседает на троне в крытом киоске, перед которым находится ограниченная маркерами *ḏnbw* площадка для ритуального бега. Различия между указанными сценами сводятся к тому, что если на пластинке Дена царь, сидящий в *хеб-седном* киоске, изображен в верхнеегипетской короне, а бегущий – в короне Нижнего Египта, то на булаве Нармера голова сидящего фараона наоборот увенчана красной короной, тогда как бег осуществляют плененные жители Дельты. По нашему мнению, эти различия, при очевидном композиционном и смысловом сходстве, могут быть объяснены тем, что на памятниках изображены разные, но последовательные действия одного ритуала. Другими словами, за *хеб-седным* бегом фараона следовал бег покоренных «врагов».

Цель первого действия была двойной. С одной стороны – демонстрация обновленных в празднестве сил фараона²⁴, с другой – оформление грани земли, находящейся под его властью, так как территория между маркерами *ḏnbw* рассматривалась как тождественная Египту²⁵, а возможно, и миру²⁶. В свою очередь, бег иноземцев (частный случай – военнопленные на булаве Нармера) и «парад» захваченной добычи символизировали военную мощь царя и показывали зависимость от него народов, выступающих в роли просителей. Иными словами, оба действия подтверждали обновленную силу фараона.

От эпохи Среднего царства дошло, к сожалению, крайне незначительное количество памятников, относящихся к празднованию *хеб-седов*. В силу этих объективных причин, привлечение любого нового источника способно прояснить многие вопросы, связанные с юбилейными торжествами в этот период египетской истории.

Так, например, швейцарские ученые Э. Хорнунг и Э. Штеелин, опираясь на классическое произведение XII династии «Рассказ Синухе», высказали предположение о возможности убийства фараона Аменемхета I накануне его *хеб-седа*. В своих гипотетических построениях ученые исходили из основанного на ряде памятников убеждения в том, что основатель XII династии незадолго до тридцатого года правления начал подготовку к празднованию своего юбилея²⁷. Далее, основываясь на указанной в начале «Рассказа Синухе» дате «вознесения к своему окоему» Аменемхета I – «год 30, время разлива, месяц 3, день 7» и зная из «Поучения царя Аменемхета», что этот фараон погиб в результате дворцового заговора, Хорнунг и Штеелин предположили, что фараон был убит накануне своего юбилея, когда, непосредственно перед обрядами обновления, его магическая царская сила была, по мнению заговорщиков, исчерпана предшествующими годами правления и не могла его защитить²⁸. Убийство произошло не во время *хеб-седа*, а незадолго до него, когда приготовления к празднованию были в самом разгаре. К ним швейцарские ученые относят поход наследника и соправителя Аменемхета I, Сенусерта I, в Ливию²⁹: «Для того послал царь Сenu-

²⁴ Barta W. Untersuchungen zur Göttlichkeit des regierenden Königs // MÄS. 1975. Ht. 32. S. 68.

²⁵ Decker W. Sport und Spiel im Alten Ägypten. München, 1987. S. 34.

²⁶ Munro P. Bemerkungen zu einem Sedfest-Relief der Stadtmauer von Kairo // ZÄS. 1961. 86. S. 71.

²⁷ Simpson W.K. Studies in the Twelfth Egyptian Dynasty // JARCE. 1963. 2. P. 60.

²⁸ Hornung E., Staehelin E. Studien zum Sedfest // Aeg. Helv. 1974. 1. S. 59.

²⁹ Прежняя локализация *ḏnbw* на северо-западной окраине Дельты и отождествление жителей *ḏnbw* с ливийцами в настоящее время вызывает сомнения у некоторых египтологов. Так, например, К. Вандерслеен считает, что жители *ḏnbw* обитали рядом с западной границей Египта на широте Фаюмского оазиса (Vandersleyen Cl. L'Égypte et la vallée du Nil. T. II. P., 1995. P. 567).

серта, чтобы победить чужеземцев, истребить жителей страны Чехен. Вот он уже возвращается, ведет за собой пленных из страны Чехен и всякого скота без числа»³⁰.

По мнению Хорнунга и Штеелин, поход имел не военное, а исключительно культовое назначение. Захваченный во время похода скот, равно как и пленные, должен был участвовать в своеобразном «параде» добычи во время празднования царского юбилея³¹.

Однако оригинальную, остроумную гипотезу швейцарских ученых разделяют далеко не все египтологи. Ее справедливо критикуют за чрезмерную спекулятивность³². Действительно, основной тезис гипотезы основывается на произвольной реконструкции менталитета придворных, составивших заговор против Аменемхета I накануне его юбилея, считая, якобы, что истощенная магическая царская сила не способна будет им воспрепятствовать осуществить свои планы.

Недавно, К. Обсоме в специальном исследовании, посвященном времени царствования Сенусерта I, предложил более простое объяснение удачному осуществлению заговора. По мнению ученого, момент для убийства фараона был выбран чрезвычайно подходящий: еще не был завершен начавшийся на 29-м году его правления поход в Нижнюю Нубию (Вават), который возглавил визир Антефокер, и не вернулись посланные в *ḏḥnw* войска под предводительством сына царя Сенусерта. Иными словами, старый почти семидесятилетний фараон оказался один на один с заговорщиками, которым ничто не могло помешать осуществить свои намерения³³.

Итак, попытаемся подвести некоторые итоги: незадолго до празднования своего первого юбилея, о подготовке к которому мы, впрочем, можем говорить, опираясь лишь на косвенные данные, Аменемхет I стал жертвой дворцового переворота. Для убийства фараона заговорщики выбрали тот момент, когда все верные ему силы находились вне столицы.

С большой долей вероятности можно предположить, что с подготовкой к празднованию *хеп-седа* были связаны военные экспедиции. В противном случае, остается без объяснения тот факт, что и поход Антефикера в Нубию, и поход Сенусерта в *ḏḥnw*, которыми ограничивается вся военная активность в период царствования Аменемхета I, имели место накануне 30-го года правления, т.е. накануне вероятного юбилея. При этом если поход в Вават мог преследовать определенные политические и стратегические цели – уничтожение обосновавшихся там претендентов на египетский трон из предшествующего царского дома (впрочем, непонятно, почему он не был предпринят раньше), – то поход в *ḏḥnw* не был вызван никакой внешней опасностью; единственной его целью, как правильно отметил Р. Гундлах, были грабеж населения и угон скота³⁴. Добыча, захваченная во время похода, очевидно, демонстрировалась во время особого ритуала при праздновании царского юбилея.

В иных формах находит свое выражение тема вселенского господства египетского царя при праздновании юбилеев в эпоху XVIII династии. Активная внешняя политика этого царского дома от Яхмеса до Аменхетепа II привела к созданию «мировой» египетской державы. В эпоху между царствованиями Тутмеса II и Аменхетепа III происходит интеграция Нубии и вновь завоеванных азиатских земель в общегосударственную экономическую систему. Азиатские владения были разделены на три провинции, управлявшихся египетской администрацией. Под Египтом отныне понималась территория, «начиная от земли этой Куш и кончая границей Нахарины»³⁵. Менялось и отношение к населению подвластных стран. В начале XVIII династии жители «чужеземных стран северных» были объектом грабительских походов, имевших целью отщипнуть за владычество гиксосов; в царских надписях этого периода звучит не-

³⁰ Повесть Петесе III. М., 1978. С. 91 сл.

³¹ Hornung E., Staehelin E. Op. cit. S. 60.

³² Gundlach. Op. cit. S. 169.

³³ Obsomer C. Sesostris Ier. Étude chronologique et historique du règne. Bruxelles, 1995. P. 252.

³⁴ Gundlach. Op. cit. S. 169 f.

³⁵ Urk. IV. 1841.

ненависть к чужеземцам, внимание к карательной функции фараона, красочно изображаются убийства вражеских воинов и опустошение их территорий³⁶. Но уже при Аменхетеле III в царской идеологии отношение к иноземцам меняется: отныне, это подданные фараона, люди (ꜥꜥ), на которых распространяются все блага правителя Египта, а сами египтяне нередко включаются в число «девяти луков»³⁷, тогда как раньше это название относилось лишь к врагам – чужеземцам. Произошедшие изменения во внешней политике Египта, отразившиеся в официальной идеологии, оказали воздействие и на соответствующие ритуалы праздника сед: грабительские походы ради добычи как составная часть подготовки к празднованию юбилея отныне сочетаются с добровольным приношением даров.

Этот ритуал, очевидно, имел место во время празднования первого хеб-седа Аменхетепа III. Такое предположение позволяет сделать памятник, раскопанный японскими археологами в 70-е годы в пустынной местности Ком эль-Самак к югу от царского дворца в Малькате, специально построенного при Аменхетеле III для юбилейных торжеств. Раскопанное сооружение представляло собой прямоугольную платформу (80×20×3,7 м) с ведущими к ней лестницами, ориентированными по оси север–юг³⁸. Его постройка была датирована временем правления Аменхетепа III на том основании, что несколько кирпичей фундамента были отмечены картушем этого фараона³⁹. Выявить назначение этого сооружения позволяет конструкция лестниц и их декор. Каждая из них насчитывает тридцать ступеней и каждая из ступеней украшена изображением либо двух луков, либо врагов – представителей трех различных типов чужеземных народов⁴⁰. Исходя из того, что количество ступеней неслучайно и учитывая тот факт, что сооружение в Ком эль-Самаке находится в непосредственной близости от царского дворца в Малькате, где Аменхетеп III праздновал три своих юбилея, логично сделать вывод о том, что раскопанная японскими археологами постройка также была связана с хеб-седами фараона.

Не вызывает сомнения, что в местности, называемой сейчас Ком эль-Самак, имели место какие-то ритуальные действия. В пользу этого свидетельствует тот факт, что верхняя часть сооружения была аккуратно разобрана, а затем оно все закопано. Как считают японские ученые, подобный акт был вызван желанием уберечь сооружение от переиспользования или использования для других целей⁴¹. По нашему мнению, эти ритуальные действия могли быть связаны с иноземцами и составлять ритуал «приношения даров». Подобное умозаключение базируется на следующих фактах: изображение иноземцев на ступенях лестницы; ориентация сооружения по оси север–юг, что, очевидно, должно было соответствовать нубийским и азиатским владениям Египта; местоположение постройки в пустынной местности на расстоянии двух километров от дворца в Малькате, что как нельзя лучше подходило для ритуала приношения даров иноземцами, требовавшего присутствия большого числа народа.

Этот же ритуал, по нашему мнению, изображен и на стенах гробниц Хеви и Мери-Ра II амарнской эпохи. Эти вельможи занимали при Эхнатоне должности «начальника царского гарема» и среди основных событий своей жизни выделили ритуал приношения даров иноземцами. Наиболее подробно он описан в гробнице Хеви: «Год 12, месяц 2 сезона выхождения (ꜥꜥ), день 8. Воссиял царь Верхнего и Нижнего Египта Неферхепура-Уаэнра и жена царицы великая Нефертити, да живет она вечно вековечно, на великих носилках из золота ꜥꜥꜥ, чтобы получить приношения Сирии и Куша, Запада и Востока. Все земли собраны вместе, и острова, что посредине моря, приносят дары (ꜥꜥꜥ) царю, (находящемуся) на великом троне Ахетатона для получе-

³⁶ Дейнека Т. А. Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

³⁷ The Tomb of Kheruef. Theban Tomb 192. Chicago, 1980. P. 55.

³⁸ Watanaba Y., Seki K. The Architecture of «Kom el Samak» at Malkata-South // SEC. 1986. 5. P. 2.

³⁹ Ibid. P. 5.

⁴⁰ Ibid. P. 35.

⁴¹ Ibid. P. 38.

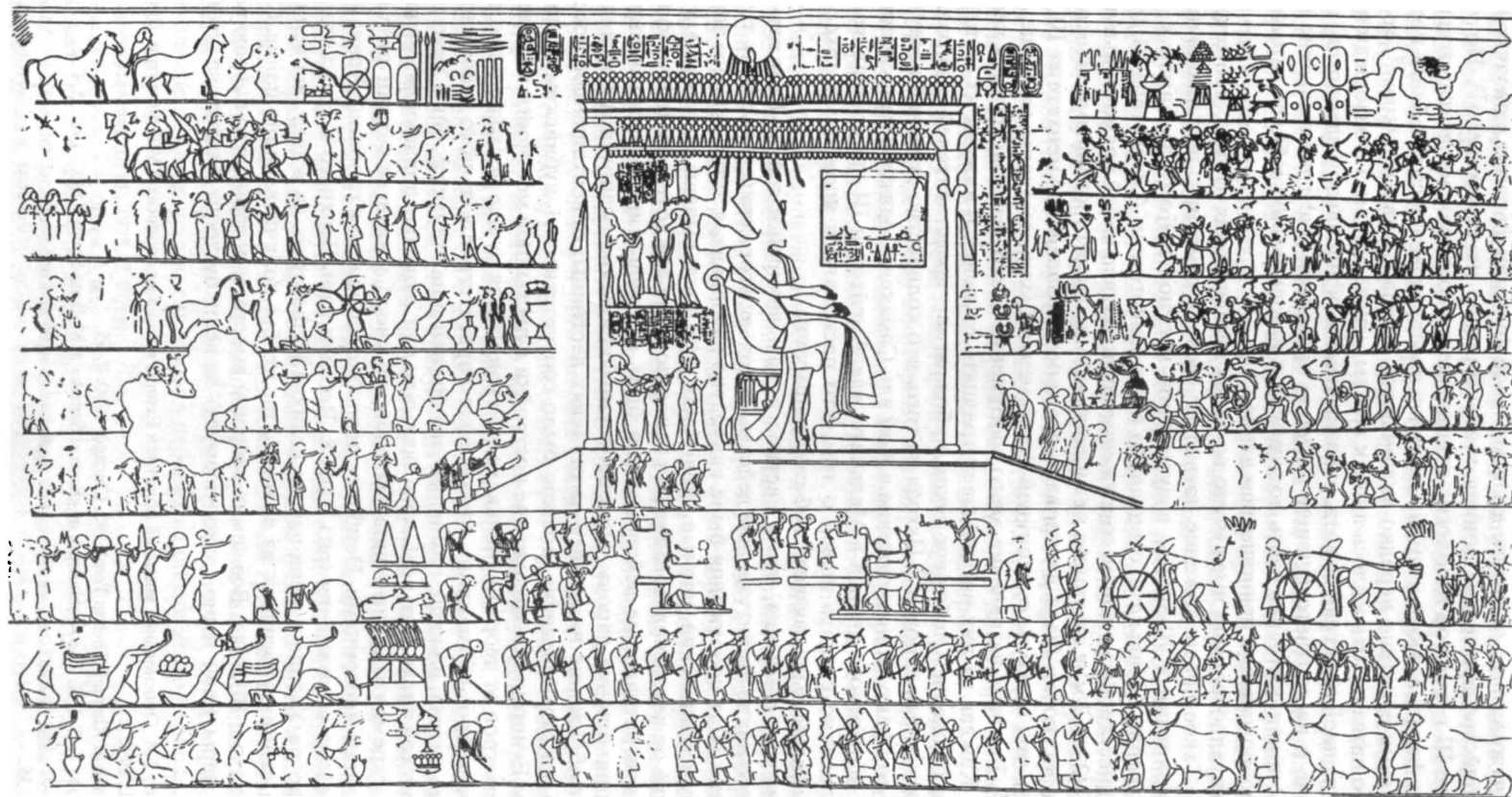

Рис. 3. Приношение даров иноземцами в Ахетатоне на 12-м году правления Аменхотепа IV (*N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna. L., 1905. Pl. XXXVII*)

ния приношений (*b3kw*) земли иноземной всякой, давая им дыхание жизни»⁴². Менее пространное описание ритуала в гробнице Мери-Ра II компенсируется детальным изображением церемонии (рис. 3). В центре восточной стены изображены царь с царицей, сидящие на троне в крытом киоске в окружении шести дочерей. Все остальное пространство стены, разделенное на регистры, покрыто изображениями иноземцев, преподносящих дары царской чете. Важно отметить, что перед чередой дароносцев каждой страны несколько иноземцев представлены целующими землю и простирающими руки к Эхнатону и Нефертити⁴³. Мы не можем согласиться с издателем гробницы Нор де Гарис Девис, увидевшим в сценах из обеих гробниц приношение дани⁴⁴. Совершенно очевидно, что речь идет именно о дарах: среди приношений, представленных на амарнских рельефах, изображены предметы роскоши – перья страусов, обезьянки, дорогие сосуды, благовония, колесницы и т.д. В этой связи интересно отметить мнение египтолога С. Олдред, считавшего, что дань Египту в основном платили сырьем⁴⁵.

В гробнице Хеви приношения иноземцев названы одновременно и *inw* и *b3kw*, а в гробнице Мери-Ра II лишь *inw*. О значении этих двух терминов высказывалось несколько точек зрения. На наш взгляд, наиболее обоснованным является мнение Мюллер-Воллерманн, согласно которой *inw* означало нерегулярные добровольные приношения, которые могли поступать как от отдельного лица, так и от государства и требовали ответа дара; а *b3kw* – регулярные поставки от покоренного народа, своего рода налог⁴⁶. Несмотря на то что эта точка зрения не объясняет параллелизма употребления обоих терминов в надписи из гробницы Хеви, определение, данное приношениям *inw*, полностью соответствует характеру изображений в гробницах двух вельмож амарнского времени.

Какое же событие послужило причиной для организации столь масштабной политической феерии, что имела место на 12-м году правления Эхнатона? По мнению английского египтолога С. Олдред, при XVIII династии приношение даров таким большим числом иноземных делегаций могло быть организовано лишь в связи с каким-либо событием чрезвычайной важности в жизни страны – например, по случаю коронации нового египетского правителя, либо в день его первого появления по восшествию на престол, либо, наконец, в связи с царским юбилеем⁴⁷. Что же касается ритуального действия, изображенного в гробницах Мери-Ра II и Хеви, то Олдред высказывал предположение, что церемония была посвящена началу единовластного царствования Эхнатона, последовавшего за 11-летним периодом совместного правления с Аменхетепом III⁴⁸. Ученый также предположил, что в период соправления, начавшегося на 28-м году царствования Аменхетепа III, хеб-седы этого фараона праздновались одновременно с хеб-седами Атона, т.е. трем юбилеям Аменхетепа III, имевшим место на 30-м, 34-м и 37-м году, соответствовали первый, второй и третий юбилей бога Солнца на 2-м, 6-м и 9-м годах соправления⁴⁹.

Высказанная Олдредом гипотеза об 11-летнем совместном правлении двух монархов имеет целый ряд сторонников, находящихся ей все новые подтверждения⁵⁰. Однако

⁴² Urk. IV. 2006.

⁴³ RTA. II. Pl. XXXVII.

⁴⁴ RTA. II. P. 38–43; RTA. III. P. 9–12.

⁴⁵ Aldred C. The Foreign Gifts Offered to Pharaoh // JEA. 1970. 56. P. 109–111. К тому же, рассматриваемые сцены имеют явно ритуальное значение. Об этом свидетельствует присутствие на церемонии царской четы и изображение жертвенников с лежащими на них тушами забитых животных.

⁴⁶ Müller-Wollermann R. Bemerkungen zu den sogenannten Tributen // GM. 1983. 66. S. 81–83.

⁴⁷ Aldred C. Foreign Gifts... P. 111.

⁴⁸ Aldred C. Year Twelve at El-Amarna // JEA. 1957. 43. P. 114–117.

⁴⁹ Aldred C. The Beginning of the El-Amarna Period // JEA. 1959. 45. P. 31–33.

⁵⁰ Martin Valentin F.J. Indications et Evidences d' une Coregence entre Amenhotep III et Amenhotep IV dans la Necropole Thebaine // Proceedings of the Seventh International Congress of Egyptology (Cambridge, 3–9 September 1995). Leuven, 1998. P. 741–757; Jonson W.R. Amenhotep III and Amarna: Some New Considerations // JEA 1996. 82. P. 65–82.

ни одно из них, тем не менее, не является достаточно веским, чтобы окончательно решить вопрос в пользу соправления. Именно поэтому в своей работе мы попытаемся обойти стороной эту проблему, решение которой принадлежит будущему.

За рамками исследования остался также вопрос о том, чьи юбилеи праздновались в Египте в правление Аменхотепа IV: самого царя или бога Атона. Решение этой сложной комплексной проблемы не имеет принципиального значения для реконструкции ритуала приношения даров иноземцами.

Важной вехой в исследовании вопроса о праздновании хеб-седов в эпоху Амарны стали археологические исследования, ведущиеся с 1975 года на территории восточного Карнака в рамках «Akhenaten Temple Project». В ходе этих исследований были обнаружены остатки храма Гемпатон (Gm-ꜥt-itn), относящегося ко времени правления Аменхотепа IV. Многие из раскопанных *талатат*⁵¹ храма были покрыты рельефами, бесспорно изображающими ритуалы царского юбилея⁵². По мнению египтолога Дж. Гохари, открытый Двор Гемпатона служил местом для празднования хеб-седа Эхнатона, имевшего место на 2-м или 3-м году его правления⁵³. Это был его первый и единственный юбилей, ибо, как утверждает ученый, мы не располагаем фактами, которые бы бесспорно свидетельствовали в пользу празднования хеб-седов после переезда царского двора в Ахетатон, имевшем место на 6-м году Амарны⁵⁴.

Действительно, подобные свидетельства еще не обнаружены, однако мы априорно можем предполагать их существование с большой долей вероятности. Исходя из логики исторического события, в том виде, в котором она может быть реконструирована, исходя из наших знаний (далеко еще не полных) об эпохе Амарны и основываясь на ряде косвенных данных, можно предположить, что Эхнатон отпраздновал более одного хеб-седа⁵⁵.

Во всяком случае идея царского юбилея не содержала в себе ничего, что бы противоречило амарнской религии, причем в ее окончательно сложившемся виде⁵⁶, ведь именно при Эхнатоне слово хеб-сед как никогда часто упоминается в царских надписях, так как и первое и второе «дидактические» имена Атона сопровождал эпитет «что в празднестве тридцатилетия», который впоследствии, начиная с 12-го года сменил эпитет «владыка празднеств тридцатилетия»⁵⁷. Поэтому неубедительной, на наш взгляд, является точка зрения Дж. Гохари, согласно которой «Эхнатон прекратил праздновать хеб-седы из-за тесной связи этого торжества с традиционной религиозной практикой, а также, возможно, потому, что он более не нуждался в ритуале обновления»⁵⁸. Ход празднования первого юбилея Аменхотепа IV в том виде, в котором он был реконструирован Гохари, свидетельствует о том, что хеб-сед, несмотря на свою глубокую укорененность в традиции, мог быть приспособлен к новой религиозной доктрине. Согласно исследовательнице, среди юбилейных изображений на талатат, найденных при раскопках Гемпатона, два типа сцен встречаются наиболее

⁵¹ *Talatat* – принятое в египтологии обозначение каменных блоков, использовавшихся при строительстве храмов в период правления Аменхотепа IV (LÄ. VI. Ps. 186–187).

⁵² Redford D. East Karnak and the Sed-Festival of Akhenaten // BdE. 1993. 106. № 1. P. 487.

⁵³ Gohary J. Akhenaten's Sed-Festival at Karnak L. – N.-Y., 1992. P. 30.

⁵⁴ Ibid. P. 33.

⁵⁵ Два, согласно Ганну (*Gunn B. Notes of the Aten and his Names // JEA. 1923. 9. P. 171 f.*), три, по мнению Олдред (*Aldred C. The Beginning of the El-Amarna Period // JEA. 1959. 45. P. 32 f.*) и четыре, по мнению Апхила (*Uphill E. The Sed-Festivals of Akhenaten // JNES. 1963. XXII. № 2. P. 124*).

⁵⁶ Ю.Я. Перепелкин следующим образом охарактеризовал этот период в истории амарнской идеологии: «Своеобразие нового солнцепоклонничества в том виде, который оно приобрело в середине царствования Эхнатона, заключалось преимущественно в провозглашении Солнца царствующим фараоном, в признании видимого Солнца единственным образом нового божества, в почитании из всех богов Египта только Солнца, в неприятии всякого рода баснословных сказаний, связанных со старым миром богов» (*История древнего Востока. Ч. II. М., 1988. С. 514*).

⁵⁷ Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-Хотпа IV. Ч. I. М., 1967. С. 98.

⁵⁸ Gohary. Op. cit. P. 33.

часто: несение царя, сидящего в паланкине, посреди праздничной процессии, движущейся из дворца по направлению к храму или возвращающейся из храма к царским покоям, и жертвоприношение Атону, которое фараон совершает в открытых святилищах бога⁵⁹. Таким образом, ритуал посещения святилищ богов Верхнего и Нижнего Египта, составлявший важную часть празднования царского юбилея, был заменен священнодействиями перед алтарями Атона.

Остальные ритуальные действия, изображенные на талатат из Гемпатона: сидение на ложе в виде львов, ритуальный бег, процессия штандартоносцев со знаками спутников Хора (*šmsw ḥr*), жертвоприношение душам Пе и Нехена и т.д.⁶⁰, были традиционно связаны с празднованием хеб-седа и факт их включения в ритуал юбилея лишний раз подтверждает правильность ранней датировки первого хеб-седа Аменхетепа IV. После переезда царского двора в Ахетатон их бесспорно предали забвению, наряду со всем, что было связано с многобожием. Иными словами, если верно наше предположение о том, что Аменхетеп IV праздновал более одного хеб-седа, то ритуал этого праздника мог состоять лишь из очень небольшого числа священных действий, не противоречащих новой идеологии. К таковым, помимо прочих, безусловно могли относиться действия, составляющие основу реконструируемого нами ритуала приношения даров иноземцам: собственно приношение даров, обряд «целования земли» и ритуальный бег иноземцев. Подобное предположение подтверждается прежде всего тем, что перечисленные действия, очевидно, имели место во время празднования первого юбилея Аменхетепа IV в Карнаке⁶¹ и, следовательно, могли быть повторены через определенный промежуток времени в Ахетатоне. По нашему мнению, это произошло на 12-м году Амарны, когда Аменхетеп IV отметил свой очередной хеб-сед⁶². Включение ритуала приношения даров иноземцами в «сценарий» юбилейных торжеств не только не противоречило новой религиозной концепции в ее завершенной форме, но наоборот полностью соответствовало ей. Ритуал приношения даров являлся зримым воплощением первых эпитетов Атона, начертанных на западной стене гробницы Мери-Ра II над изображением праздничного киоска: «Атон живой, великий, владыка хеб-седа, господин всего, что обегает солнечный диск»⁶³. Совместное употребление двух последних эпитетов свидетельствует о том, что идеология праздника по крайней мере при XVIII династии содержала мысль о мировой гегемонии египетского правителя.

Таким образом, наша гипотеза о праздновании хеб-седа на 12-м году Амарны опирается на следующие рассуждения: идея царского юбилея ничем не противоречила новой религиозной доктрине, поэтому логично предположить, что Аменхетеп IV, отметив первый хеб-сед в начале своего правления (что в настоящее время является непреложным фактом), мог продолжить эту традицию и далее вплоть до 12-го года. В этом году в Ахетатоне имело место событие огромной важности, насколько об этом можно судить по изображениям в гробнице Хеви и Мери-Ра II. Поводом для прибытия в столицу Египта большого числа иноземных делегаций, нагруженных дарами, могла быть, как уже отмечалось, либо коронация, либо первое появление царя по восшествию на престол, либо царский юбилей. Однако даже если предположить, что на 12-м

⁵⁹ Smith R., Redford D. The Akhenaten Temple Project. I. Warminster, 1976. P. 64.

⁶⁰ Gohary J. Op. cit. P. 167.

⁶¹ Обряд «целования земли» (Gohary. Op. cit. Pl. LXXXVIII); бег между пограничными знаками *ḥnbw* (Ibid. № 118–120). Не вызывает сомнения, что и ритуальный бег и обряд «целования земли» были связаны с прибытием иноземных делегаций, доставивших в Ахетатон богатые дары. Об этом свидетельствует надпись на обломке одного из талатат, найденного в Карнаке при раскопках Гемпатона: «Приношение даров (*inw*) царю вождями...», соседняя колонка текста упоминает «князей Нахарины и князей Куша» (Redford D. Akhenaten. The Heretic King. Princeton, 1984. P. 53. Pl. 3. 2). На другом обломке талатат изображены дети князей иноземных стран, преподносящие царю драгоценные сосуды (Ibid. P. 53. Pl. 3. 3).

⁶² Допускала возможность празднования хеб-седа на 12-м году правления Эхнатона М.Э. Матье (Матье М.Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. М., 1996. С. 132 f.).

⁶³ Urk. IV. 2006.

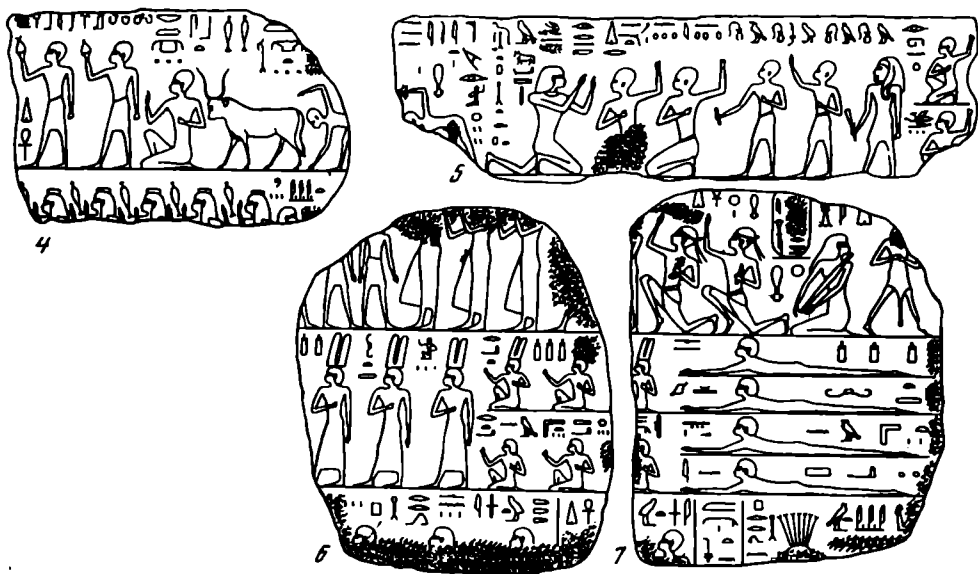

Рис. 4. Части рельефа из Бубастиса с изображением ритуалов хеб-седа Осоркона II (Neville E. The Festival-Hall of Osorkon II in the Great Temple of Bubastis. L., 1892. Pl. XV, 4-7): 4-5 – приношение даров иноземцами (?); 6 – ритуальный бег между знаками *ḏnbw*; 7 – обряд «целования земли»

году началось единовластное правление Аменхетепа IV, последовавшее за смертью его отца, то и в этом случае загадочная церемония, изображенная в гробницах амарнских чиновников, не могла быть ни коронацией, ни восшествием на престол, так как эти ритуальные действия, очевидно, должны были иметь место в начале соправления. Ритуал приношения даров иноземцами, состоявшийся в Ахетатоне, мог быть лишь частью хеб-седных торжеств.

Приносящие дары иноземцы, очевидно, изображены и в уже упоминавшемся нами проходе между двумя «широкими дворами», построенными Осорконом II в храме богини Бастет в Бубастисе (рис. 4, 4-7). На одном из обломков рельефа стены D изображены несколько мужчин, возможно, дароносцев, ибо в надписи, начертанной над ними, речь идет о сосудах из золота (*nmst m nwb*) и кувшинах из электрона (*snbt m ḏ'm*). Кроме того, позади одного из мужских персонажей изображен бык, очевидно, предназначенный для принесения в дар⁶⁴.

Таким образом, мы имеем три составляющих элемента ритуала, названного нами «приношение даров»: 1) собственно приношение даров иноземцами, сочетавшееся с «парадом» пленников и скота, захваченных в военном походе при подготовке к хеб-седу; 2) обряд «целования земли»; 3) ритуальный бег иноземцев между пограничными маркерами *ḏnbw*.

Остается ответить на последний и главный вопрос: для чего иноземные делегации прибывали в Египет по случаю царского юбилея? На наш взгляд, египетские источники (по преимуществу Нового царства) позволяют дать лишь один ответ на этот вопрос: целью прибытия иноземцев было получение от фараона «дыхания жизни» (*ḏ'w p nḥ*) в обмен на дары и выражение своей полной покорности власти египетского правителя. В гробнице царского сына Куша Хеви принесшие дары нубийские князя (*wḡw nw Kwš*) просят Тутанхамона: «О лик твой, царь Египта, солнце девяти луков. Дай нам дыхание, даваемое (всегда) тобой, чтобы мы жили в любви твоей»⁶⁵. В гробнице Рехмира (время правления Тутмеса III) изображены приношения четырех

⁶⁴ Neville. Op. cit. Pl. XV, 4.

⁶⁵ Urk. IV. 2021.

делегаций (Пунта, Крита, Нубии и Сирии): «Дары их на спинах их. Пришли они, чтобы дали им дыхание жизни, из желания быть на воде его величества»⁶⁶. Так же недвусмысленно выражена цель прибытия иноземцев в Египет на одном из рельефов в часто уже упоминавшейся гробнице Мери-Ра II: «Князья стран чужеземных приносят дары царю, просят о мире, и о том, чтобы дали им обонять дыхание жизни»⁶⁷. На метафорическом уровне понимания способность давать «дыхание жизни», которой наделял египетского царя бог – творец, строго говоря, являла собой право распоряжаться жизнью и смертью людей⁶⁸. «Повелел я, чтобы пришли к тебе вожди южных стран, (причем) приношения их и их дети на спинах их, равно как и ценные продукты из стран их, чтобы дал ты дыхание жизни тем, кому ты захочешь и убил тех, кого пожелает твое сердце согласно своей воле»⁶⁹. Однако выражение ḥw n'nh одновременно являлось термином, относящимся к сфере международного права. Слово « ḥw », буквально «дыхание» означало произносимые фараоном слова, а слово « n'nh » одним из своих значений имело «присяга, клятва»⁷⁰. В целом же выражение « ḥw n'nh » подразумевало договор о взаимоотношениях между Египтом и другой страной, независимой или подвластной, скрепленный присягой⁷¹.

Итак, мы, наконец, можем реконструировать в целом ритуал приношения даров по случаю царского юбилея. Он заключался в прибытии делегаций чужеземных стран, входивших в орбиту политического влияния Египта, торжественном преподношении даров, состоящий по преимуществу из высокохудожественных изделий (кувшинов из драгоценных металлов, украшений, колесниц и др.) и различных «диковок» из дальних стран (обезьян, страусовых перьев, пантер, благовоний и др.). Это было своеобразное «этнографическое шоу», в котором каждая из делегаций предельно ясно идентифицировалась по своему костюму и дарам. Во время преподношения даров происходил обряд «целования земли» и ритуальный бег между пограничными маркерами ḏnbw , означавший полное подчинение власти фараона и желание «быть на его воде»⁷², за что следовало пожалование «дыхания жизни».

A.A. Krol

GIFTS MADE BY FOREIGNERS AS A PART OF THE SED'S FESTIVAL RITUALS

A.A. Krol

This article attempts to reconstruct one of the royal jubilee rituals. The sources are fragmentary and refer to different periods of Egyptian history. Therefore, the reconstruction has to be based on data from Early Dynasty (the Narmer macehead) to the Late Period (Festival Hall of Osorkon II at Bubastis).

In our opinion the ritual called «making gifts» included the following points: 1. Gifts made by foreigners combined with a «parade» of prisoners and cattle captured in campaigns which took place before the heb-sed; 2. The ritual of «kissing the soil»; 3. The ritual running of foreigners between the frontier markers ḏnbw .

The purpose of foreigners' arrival was to get the «breath of life» (ḥw n'nh) from pharaoh in exchange for the gifts and to express their complete obedience to the power of the Egyptian ruler.

⁶⁶ Urk. IV. 1099.

⁶⁷ Urk. IV. 2003.

⁶⁸ *Grimal N.-Ch.* Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquête d'Alexandre. P., 1986. P. 237 f.

⁶⁹ *Ibid.* P. 247.

⁷⁰ Wb. I. 202 f.

⁷¹ *Lorton D.* The Juridical Terminology of International Relation in Egyptian Texts through Dyn. XVIII. Baltimore, 1974. P. 143.

⁷² *Westendorf W.* Auf jemandes Wasser sein = «von ihm abhängig sein» // GM. 11. 1974. S. 47 f.